

A photograph of a theater stage. The stage is framed by an ornate wooden proscenium with intricate carvings. A large, closed white curtain hangs in the center, flanked by red curtains that are pulled back slightly at the top. The stage floor is dark wood. In the foreground, the backs of several rows of red theater seats are visible, leading towards the stage.

Елена К.

**Труп в шкафу, или Кто
украл бабушкину
брошь**

Елена К.

**Труп в шкафу, или Кто
украл бабушкину брошь**

«Автор»

2026

К. Е.

Труп в шкафу, или Кто украл бабушкину брошь / Е. К. —
«Автор», 2026

«За кулисами старого театра творится нечто странное: программки исчезают, словно зашифрованные послания, занавес будто сам решает, когда ему висеть. Но за каждым предметом, прячется загадка. Марина и невозмутимый Игорь Сергеевич распутывают эти «преступления». А пушистый сыщик Барсик подсказывает, где искать улики ну, или просто требует колбаску. Это тёплая, ироничная история о том, как важно дать слово тем, кто молчит, и услышать тех, кто шепчет. О смелости быть собой — даже если дрожит голос. Для поклонников уютных историй с атмосферой закулисы, лёгкой загадкой и верой в то, что каждый голос достоин звучать».

Содержание

Глава 1. «Шкаф, который всё знал»	6
Глава 2. «Пальто, которое не отдыхало, и мужчина, который слишком много вздыхал»	9
Глава 3. «Проклятая программка, или Как Барсик чуть не стал подозреваемым»	12
Глава 4. «Пыль кулис, запах киви и один очень упрямый кот»	15
Глава 5. «Репетиция правды, или Кто прятал прошлое в шкафу»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Труп в шкафу, или Кто украл бабушкину брошь

Все события, описанные в этой истории, — вымысел от первой до последней строчки. Имена героев, их привычки, ссоры и примирения, даже ворчание дяди Гриши и сердечки из корицы на пенке — родились в воображении и не имеют отношения к реальным людям.

Театр, в котором шепчут шляпы и пропадают занавесы, существует лишь на этих страницах — и держится он не на балках и тросах, а на смелости тех, кто решается сказать: «Я тут».

Любые совпадения с реальными организациями, местами, профессиями или характерами — чистая случайность. Пусть этот театр останется тем, чем и должен быть: пространством, где можно спрятать страх в рукописи, а смелость — вынести на сцену. С уважением ваша Елена К.

Глава 1. «Шкаф, который всё знал»

Утро началось с разрушения мирового масштаба, моей личности. Не какой-то там мелкой неприятности вроде пролитого кофе — нет, это было настоящий, стихийный катаклизм бытового масштаба. Марина стояла посреди кухни, сжимала в руках пустой пакет и смотрела на него так, будто надеялась, что внутри по волшебству материализуется хотя бы один киви. Марина очень любила смузи по утрам. Как говориться что ты пьешь по утрам тем и становишься.)))И я так усердно пью зелёный смузи, что даже кот начал смотреть на меня с подозрением — будто я вот-вот начну разговаривать с растениями.)))

— Ну давай, — бормотала она, потряхивая пакетик. — Сделай мне киви. Хоть какой-нибудь. Самый заваливающий подойдет.

Но пакет был пуст. Он молчал.

Сегодня был тот самый день, когда Марина решила: «Я становлюсь ответственной. Никаких больше хаотичных забегов по магазинам в три часа ночи. Я всё спланировала!» И вот — план рухнул на первом же пункте. Без смузи не получится, не получить заряда энергии, а без этого разобрать старый шкаф в квартире тёти Аллы Карловны — задача из области фантастики.

Тётя славилась двумя вещами: безупречной осанкой даже в самых стрессовых ситуациях и шкафами, в которых, казалось, хранилась практически все. Мне кажется у нее даже лежал там, ключ от сейфа (никто не знал, от какого именно).

Марина глубоко вздохнула, схватила сумку, в которой уже лежали блокнот, три ручки (одна точно не пишет, но выбрасывать жалко), термос (пустой), баночка с мёдом (на всякий случай) и кот Барсик, который категорически отказывался оставаться дома, если хозяйка куда-то идёт.

— Барсик, ты не помощник, — строго сказала Марина, запихивая кота поглубже в сумку. — Ты — отвлекающий фактор.

Барсик в ответ только фыркнул, как будто хотел сказать: «Я — моральная поддержка. А ты без меня вообще ничего не найдёшь». До тётиной квартиры Марина добралась ровно за тридцать семь минут — рекорд, учитывая, что она дважды возвращалась, потому что «кажется, забыла телефон», а потом «кажется, оставила ключи в сумке, а сумку на кухне». Тётя открыла дверь с таким видом, будто ждала не племянницу, а делегацию из ООН.

— Марина, дорогая! — воскликнула она, раскинув руки так театрально, что чуть не задела люстру. — Наконец-то! Я уже думала, ты заблудилась между лифтом и дверью!

— Я просто... оптимизировала маршрут, — пробормотала Марина, пытаясь одновременно снять куртку, удержать сумку с котом и не уронить термос.

— Опять этот кот? — Тётя склонила голову набок, разглядывая сумку, из которой торчал пушистый хвост. — Он что, теперь твой ассистент?

— Он — моя совесть, — честно призналась Марина. — Если я что-то забуду, он будет смотреть на меня осуждающе.

В квартире пахло нафталином, старыми духами и чем-то неуловимо творческим — будто занавес ещё не успел опуститься после вчерашнего спектакля.

— Так, — сказала тётя, потирая руки. — Сегодня мы разбираем шкаф. И знаешь, что я поняла? Пропала брошь. Та самая, с гранатами.

Марина замерла.

— Та самая, которую тебе подарил дипломат? — уточнила она.

— Да! — Тётя всплеснула руками. — Я хотела надеть её на встречу с бывшей коллегой, полезла в шкатулку — пусто. А шкатулка стояла в шкафу. В том самом.

Шкаф стоял в углу комнаты, монументальный, тёмный, с резными дверцами, которые скрипели так, будто предупреждали: «Не открывай. Там тайны».

— Ладно, — вздохнула Марина. — Давай разбираться. Сначала найдём брошь, потом... ну, посмотрим, что ещё найдём.

Они подошли к шкафу. Тётя взялась за одну дверцу, Марина — за другую. Барсик, воспользовавшись моментом, выскользнул из сумки и тут же запрыгнул на верхнюю полку, откуда начал сбрасывать вниз старые шляпы.

— Барсик! — в один голос закричали женщины.

— Это не он, — тут же защитила кота тётя. — Это шкаф сам решил, что пора избавиться от хлама.

И они начали разбирать.

Сначала пошли коробки с надписями «Разное», «На дачу», «Может пригодиться». Внутри лежали: треснувшая фарфоровая кошка, стопка журналов «Работница» за 1987 год, три перчатки (все на левую руку), и чек из химчистки, датированный 1993 годом.

— Странно, — пробормотала тётя, разглядывая чек. — Я не помню, чтобы сдавала что-то в химчистку в девяносто третьем.

— Может, это не твой чек? — предположила Марина, пытаясь сложить коробки так, чтобы они не рухнули ей на голову.

— А чей же? Шкаф сам себе сдавал вещи?

Они продолжали копаться. Находили письма, фотографии, старые билеты в кино, и даже миниатюрный веер, который тётя тут же раскрыла и произнесла: «О, как я любила этот веер! »

А потом Марина потянула за старую коробку, которая сидела в глубине шкафа, и... коробка не сдвинулась.

— Стой, — сказала она. — Тут что-то мешает.

Она полезла глубже, нащупала что-то твёрдое, потянула — и вдруг дверца шкафа распахнулась шире, открыв то, что было скрыто за фальшпанелью.

Там, в полутьме, лежал мужчина. В клетчатом пиджаке. Неподвижный. Очень неподвижный.

Марина завизжала. Тётя ахнула. Барсик прыгнул на люстру и замер, как статуя.

— Тётя... — прошептала Марина, отступая назад. — Там... там труп.

— Не может быть, — покачала головой тётя, но подошла ближе, прищурилась. — Хотя... пиджак знакомый. Очень знакомый.

— Тётя! — почти закричала Марина. — Это не повод узнавать фасон! Это труп!

— Да-да, ты права, — быстро согласилась тётя, отступая. — Но знаешь, нас учили: если видишь труп — сначала проверь, возможно он жив.

— Тётя, это не репетиция! — Марина схватилась за голову. — Это... это реальность! И она только что стала криминальной!

В этот момент в дверь позвонили.

— О, это, наверное, курьер, — спокойно сказала тётя. — Я заказывала семена редких цветов.

— Курьер? Сейчас? — Марина посмотрела на дверь так, будто оттуда вот-вот выйдет второй труп. — Тётя, у нас в шкафу труп, а ты ждёшь семена?!

— Жизнь не останавливается, дорогая, — философски заметила тётя и пошла открывать.

За дверью стоял молодой парень с телефоном в руке. На футболке у него было написано «Жизнь — это контент».

— Привет! — бодро сказал он. — Я Артём, снимаю блог про городские легенды. Говорят, в этом доме в семидесятых пропал человек. Это правда?

Марина закрыла глаза.

«Господи, — подумала она. — Если это не сон, то пусть хотя бы окажется, что я в сериале. И пусть у меня будет дублёр на следующие пять минут».

— Нет, — твёрдо сказала тётя. — Никаких легенд. У нас... у нас просто шкаф сломался.

— Шкаф? — Артём поднял бровь и направил камеру прямо на шкаф, где всё ещё виднелся клетчатый пиджак. — А это что?

— Это... — начала тётя.

— Это пальто, — быстро перебила Марина. — Очень тяжёлое пальто.

Артём прищурился.

— Пальто лежит в позе трупа? — уточнил он.

— Оно... отдыхает, — нашлась тётя. — После долгой жизни в шкафу.

Артём медленно опустил телефон.

— Знаете, — сказал он, — я снимаю реалити-шоу «Жизнь рядом с преступлением». И мне кажется, у вас тут как раз то, что нужно. Можно я сниму пару кадров? Для атмосферы.

Марина посмотрела на тётю. Тётя посмотрела на шкаф. Барсик с люстры издал звук, похожий на сдавленный смех.

— Нет! — хором сказали женщины.

— Ладно-ладно, — поднял руки Артём. — Без кадров. Но я останусь. Вдруг понадобится свидетель. Или... ну, вдруг вы найдёте что-то интересное.

И тут из шкафа что-то выпало. Маленький блестящий предмет покатился по полу и остановился у ноги Марины.

Это была брошь. С гранатами.

Марина подняла её, посмотрела на тётю, на Артёма, на шкаф — и поняла: день, который начинался с отсутствия сливок, только что превратился в начало самого нелепого, самого хаотичного и, возможно, самого громкого расследования в её жизни. В этот момент в дверь снова позвонили. На этот раз — резко, официально, так, что даже Барсик перестал смеяться.

Тётя вздохнула.

— Наверное, это полиция, — спокойно сказала она. — Или семена всё-таки привезли.

Марина закрыла лицо руками.

«Ну вот, — подумала она. — Теперь точно без капучино не разобраться».

А из коридора уже доносился голос — спокойный, уставший, мужской:

— Гражданки, откройте, пожалуйста. Нам поступил сигнал о подозрительной активности.

Марина выглянула в коридор. На пороге стоял мужчина в строгом костюме. Следователь Игорь Сергеевич. Он посмотрел на Марину, на тётю, на Артёма с телефоном, на Барсика на люстре, на шкаф... и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Дайте угадаю. У вас там пальто. Которое отдыхает.

Марина кивнула.

— И брошь нашлась, — добавила она.

Игорь Сергеевич прикрыл глаза, будто пытался вспомнить, зачем вообще пошёл на эту работу.

— Прекрасно, — сказал он. — Просто прекрасно. Давайте начнём сначала. И, пожалуйста... уберите кота с люстры. Он меня нервирует.

И в этот момент Марина поняла: хаос только начинается. Но, возможно, именно в этом хаосе и прячется разгадка. А ещё — шанс на что-то большее, чем просто расследование.

Например, на новую жизнь. Или хотя бы на нормальный капучино.

Глава 2. «Пальто, которое не отдыхало, и мужчина, который слишком много вздыхал»

Игорь Сергеевич шагнул через порог, аккуратно, будто боялся задеть невидимую паутину хаоса, и тут же наткнулся взглядом на Барсика. Кот замер на люстре в позе «я тут случайно, просто лечу горизонтально», и даже не моргал.

— Гражданки, — повторил следователь, уже не так официально, а скорее как человек, который вдруг понял, что забыл дома таблетку от головной боли. — Давайте без импровизаций. Что у вас в шкафу?

Марина открыла рот, закрыла, снова открыла. Слова рассыпались где-то между «это пальто» и «но оно было в клетчатом пиджаке». Тётя, напротив, выпрямилась, расправила плечи, с трагическим достоинством:

— В шкафу, уважаемый Игорь Сергеевич, находится мужчина. Покойный. И, судя по фасону пиджака, он не из этой эпохи.

Артём, который до этого момента старался слиться с обоями, тут же вытащил телефон.

— Стоп, стоп, стоп! — Марина метнулась к нему и закрыла объектив ладонью. — Никакого контента. У нас тут... у нас тут трагедия.

— Трагедия — это когда у тебя падает охваты, — пробормотал Артём, но телефон всё-таки убрал. — А тут... ну, тут драма. С элементами абсурда.

Игорь Сергеевич медленно провёл рукой по лицу, будто стирал с него остатки надежды на спокойный день, и кивнул на шкаф.

— Покажите.

Тётя подошла к шкафу с той же грацией, с какой когда-то выходила на поклон после «Вишнёвого сада», и распахнула дверцы. Фигура в пиджаке лежала неподвижно, и теперь, при свете дня, стало окончательно ясно: это не пальто. И уж точно не «отдыхает».

— Так, — сказал Игорь Сергеевич уже совсем другим, рабочим голосом. — Не трогайте ничего. Ни пуговицу, ни брошь, ни кота. Особенно кота.

Марина тут же отдернула руку, которой хотела снять Барсика с люстры. Кот в ответ издал звук, подозрительно похожий на торжествующий смехок.

Пока Игорь Сергеевич осматривал место происшествия, делая пометки в блокноте, тётя вдруг замерла, уставившись на пиджак покойного.

— Знаете, — тихо сказала она, — этот фасон... я его помню. Очень хорошо помню.

Марина напряглась.

— Тётя, ты его знала?

— Не то, чтобы знала... — тётя поднесла руку к виску, как будто пыталась вытащить воспоминание из глубины памяти. — Это был костюм из спектакля. И этот пиджак... он был частью реквизита.

— То есть ты хочешь сказать, что труп в театральном костюме? — уточнила Марина.

— Я хочу сказать, что этот костюм пропал после генеральной репетиции. Тогда мы решили, что его кто-то забрал на память. А теперь... теперь он здесь.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только шуршанием блокнота Игоря Сергеевича и тихим «щёлк-щёлк» камеры Артёма, который, несмотря на запрет, снимал всё на видео — но без звука, «чтобы просто зафиксировать атмосферу».

— Вы понимаете, что это значит? — прошептала тётя. — Это не случайность. Это... послание.

— Это значит, что кто-то очень плохо хранит реквизит, — сухо заметил Игорь Сергеевич, не поднимая глаз. — И очень плохо выбирает место для хранения.

Но Марина видела, как он задержал взгляд на пиджаке, как чуть нахмурился, заметив что-то на манжете. Она знала этот взгляд — взгляд человека, который только что понял: дело будет непростым.

Артём тем временем не мог усидеть на месте. Он подошёл к старой афише на стене, где тётя была изображена в образе Офелии, и присвистнул.

— Вау, — сказал он. — вы были настоящей звездой! А можно я возьму у вас интервью? Типа: «Легенды сцены о тайнах прошлого»? Это залетит в рекомендации!

Тётя посмотрела на него так, как смотрела на режиссёра, который хотел заменить классический текст пьесы на рэп-версию.

— Молодой человек, — произнесла она ледяным тоном, — сейчас не время для интервью. Сейчас время для скорби. И для поиска ответов.

Артём тут же стушевался.

— Простите, — пробормотал он. — Просто... я привык всё превращать в контент. Это как рефлекс.

И вдруг, к удивлению, всех, он подошёл к Игорю Сергеевичу и тихо спросил:

— А что мне делать? Ну, чтобы не мешать, но... чтобы быть полезным?

Следователь на секунду задумался, потом кивнул.

— Можете проверить камеры в подъезде. Если есть. Или поговорить с консьержкой. Только без камеры. И без фраз вроде «Это будет вирально».

Артём кивнул, как школьник, которому впервые доверили ответственное задание.

— Сделаю, — серьёзно сказал он. — Без камеры. Обещаю.

Марина тем временем пыталась собрать мысли в кучу. Она подошла к тёте и тихо спросила:

— Ты правда думаешь, что это как-то связано с театром?

Тётя вздохнула, села на старый диван, который тут же издал подозрительный скрип, и посмотрела на племянницу так, будто собиралась рассказать что-то очень важное.

— Знаешь, Марина, — начала она, — театр — это не только аплодисменты и цветы. Это ещё и зависть, и ревность, и старые обиды, которые не проходят десятилетиями. В восемьдесят девятом, когда мы ставили эту постановку, в труппе был раскол. Кто-то хотел играть главную роль, кто-то — уйти из театра, а кто-то... кто-то писал анонимные письма с угрозами.

— Угрозами? — переспросила Марина.

— Да. Мне приходили записки. «Ты не должна выходить на сцену». «Твой час прошёл». Я тогда думала, что это чья-то глупая шутка. Но теперь... теперь я не уверена.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И ты никому не рассказывала?

— Кому? Режиссёру? Он бы только вздохнул и сказал: «Актрисы, что с них взять». А больше... больше я никому не хотела причинять беспокойство.

Она помолчала, потом вдруг улыбнулась — не радостно, а как человек, который вспоминает что-то давно забытое.

— Зато знаешь, что было хорошего? В тот год я встретила твоего дядю. Он пришёл на спектакль, сидел в третьем ряду, и когда я вышла на поклон, он встал и зааплодировал один. Весь зал смотрел на него, а он даже не замечал. Просто смотрел на меня и аплодировал.

Марина улыбнулась, но тут же снова вспомнила про шкаф и про труп, и улыбка сползла с лица.

Игорь Сергеевич закончил осмотр и подошёл к женщинам.

— Пока ничего не ясно, — сказал он. — Но я бы попросил вас никуда не уходить. И не разбирать шкаф дальше.

— Но мы же начали разбирать! — воскликнула Марина. — Там столько коробок...

— Вот именно, — спокойно ответил он. — Пока ничего не трогайте.

Он посмотрел на тётю, потом на Марину, и вдруг в его взгляде мелькнуло что-то, чего раньше не было — не раздражение, а... понимание.

— Знаете, — добавил он чуть тише, — иногда самые странные дела начинаются с самых обычных вещей. С разбора шкафа. С потерянной броши.

Марина вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не страх, не паника — а странное, почти приятное ощущение, будто рядом есть кто-то, кто не будет смеяться над её хаосом, а просто... примет его.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что не сказали «вы сами во всём виноваты».

Игорь Сергеевич чуть улыбнулся — так, что улыбка едва коснулась уголков губ.

— Пока рано благодарить, — ответил он. — Дело только началось.

Артём вернулся через десять минут, сияющий, как ребёнок, который впервые нашёл клад.

— Есть! — объявил он, размахивая распечаткой. — Камеры в подъезде есть! И консьержка видела, как кто-то заходил вчера вечером. Мужчина в тёмном пальто. Лица не разглядела, но пальто запомнила.

Игорь Сергеевич взял распечатку, быстро просмотрел.

— Хорошо, — кивнул он. — Это уже что-то.

Артём посмотрел на него с таким восхищением, будто следователь только что раскрыл преступление одной фразой.

— Круто, — выдохнул он. — Вот это работа.

И тут же спохватился:

— Но я всё равно не буду снимать. Честно.

Марина поймала взгляд тёти, и они обе едва сдержали улыбки. Даже в такой ситуации Артём умудрялся быть... милым. Не раздражающим, а именно милым — как щенок, который хочет помочь, но пока только путает следы.

Когда Игорь Сергеевич ушёл, чтобы оформить протокол и вызвать оперативную группу, тётя подошла к Марине и тихо сказала:

— Знаешь, я всегда думала, что мои театральные истории — это просто старые воспоминания. А теперь понимаю: они могут быть ключом к чему-то большему.

Марина обняла тётю.

— Мы разберёмся, — пообещала она. — Вместе.

Барсик наконец слез с люстры, подошёл, потерся о ноги и громко мяукнул, будто тоже хотел сказать: «Я с вами».

А на столе, рядом с треснувшей фарфоровой собачкой, лежала брошь с гранатами — маленькая, блестящая, и почему-то очень зловещая.

Вечер опускался на город, и квартира тёти Нины Петровны, ещё недавно казавшаяся просто старым, захламлённым жильём, теперь выглядела как место, где пересеклись прошлое и настоящее, театр и реальность, комедия и трагедия.

И Марина вдруг поняла: этот день, начавшийся с отсутствия сливок, стал началом чего-то гораздо большего. Не просто расследования. А истории, в которой у каждого — своя роль. Даже у кота. Даже у Артёма. Даже у неё самой.

«Главное, — подумала она, — не забыть купить сливки. Когда всё это закончится».

Глава 3. «Проклятая программка, или Как Барсик чуть не стал подозреваемым»

Квартира тёти после ухода Игоря Сергеевича напоминала декорацию к спектаклю «Жизнь после апокалипсиса»: коробки из шкафа перекечевали в коридор, фарфоровая собачка смотрела на всех с укором, а брошь с гранатами лежала на столе, будто маленькая, но очень серьёзная улика.

Марина стояла посреди этого хаоса и пыталась убедить себя, что всё под контролем.

— Всё под контролем, — вслух повторила она, глядя на Барсика, который с невозмутимым видом грыз угол старой афиши. — Мы просто... временно потеряли ориентацию в пространстве.

Тётя, напротив, держалась с достоинством, достойным королевы в изгнании. Она аккуратно расставила на подносе три чашки, сахарницу с трещиной и вазочку с печеньем «Юбилейное» — будто собиралась не обсуждать труп в шкафу, а принимать гостей на званом вечере.

— Марина, дорогая, — сказала она, разливая чай, — в театре нас учили: если мир рушится, подай чай. Это придаёт ситуации благородство.

— Благородство — это хорошо, — пробормотала Марина. — Но мне бы сейчас больше пригодилось что-то, что придаёт ясность. Или хотя бы спокойствие.

В этот момент в дверь снова позвонили. На этот раз не резко и официально, как у Игоря Сергеевича, а весело, с переливами — будто звонили не в квартиру, а в гримёрку перед премьерой.

Артём просунул голову в приоткрытую дверь, сияя, как человек, который только что нашёл клад (или хотя бы интересную деталь для ролика).

— Привет! — бодро сказал он. — Я тут подумал: если мы хотим раскрыть это дело, нам нужен штаб. И я его организовал.

Он гордо развернул ноутбук, на экране которого красовалась таблица с заголовками: «Подозреваемые», «Мотивы», «Странные детали», «Контент-план».

— Штаб? — переспросила Марина. — Ты серьёзно?

— Абсолютно! — кивнул Артём. — У нас есть труп, есть театральная тайна, есть брошь... Это же готовый сериал! Только без монтажа. Пока.

Тётя посмотрела на таблицу, потом на Артёма, потом снова на таблицу — и вдруг улыбнулась.

— Знаете, молодой человек, — сказала она, — в молодости я играла в спектакле, где режиссёр тоже всё записывал в таблицу. В итоге мы перепутали сцены, забыли текст и в финале танцевали канкан вместо трагедии. Но было весело.

Артём слегка покраснел.

— Ладно, — пробормотал он. — Может, без таблицы... Но я всё равно хочу помочь. Честно.

И тут Барсик, до этого момента казавшийся просто котом-разрушителем, совершил поступок, который перевернул всё с ног на голову. Он подтащил к Марине скомканный клочок бумаги — старую программку спектакля, которую они нашли в шкафу. На полях кто-то написал карандашом: «Ты не выйдешь на сцену. Это предупреждение».

Марина замерла.

— Тётя... — тихо сказала она. — Это та самая записка?

Тётя побледнела. Медленно взяла программку, провела пальцем по строчкам, будто пыталась стереть написанное.

— Да, — прошептала она. — Я думала, что сожгла её. Или потеряла. А она... она всё это время лежала здесь. Ждала.

— И что это значит? — спросил Артём, уже не как блогер, а как человек, которому вдруг стало по-настоящему не по себе.

— Это значит, — ответила тётя, — что кто-то не хотел, чтобы я играла. И, возможно, этот кто-то до сих пор не хочет, чтобы я вспоминала прошлое.

В этот момент снова раздался звонок в дверь. На пороге стоял Игорь Сергеевич — уже без официального тона, но с тем же усталым, внимательным взглядом.

— Можно? — спросил он. — У меня есть пара вопросов. И... возможно, новости.

Они впустили его, и он сразу заметил программку в руках тёти.

— Откуда это? — спокойно спросил он.

Тётя рассказала про записку, про старые угрозы, про то, как старалась не придавать этому значения. Игорь Сергеевич слушал, не перебивая, только время от времени делал пометки в блокноте.

— Значит, у нас есть связь с прошлым, — подытожил он. — И, возможно, мотив, который тянется десятилетиями.

Марина вдруг почувствовала, как внутри всё сжалось — не от страха, а от странного, почти приятного ощущения: рядом есть кто-то, кто не будет смеяться над её хаосом, а просто примет его и поможет разобраться.

— А что с личностью погибшего? — спросила она.

Игорь Сергеевич чуть нахмурился.

— Пока неясно, — ответил он. — Но есть зацепка: на манжете пиджака — метка театральной мастерской. И инициалы. Похоже, костюм действительно из реквизита.

Тётя тихо вздохнула.

— Я так и знала, — прошептала она. — Театр не отпускает. Даже когда ты думаешь, что ушёл.

Артём, который до этого момента старался не мешать, вдруг поднял руку, как школьник на уроке.

— Простите, — сказал он. — А можно я... ну, не для контента, а просто... Я могу сходить в ту театральную мастерскую. Узнать, кто ставил метки. У меня там знакомый работает — он всё расскажет.

Игорь Сергеевич посмотрел на него, будто впервые увидел не блогера, а человека, который хочет быть полезным.

— Хорошо, — кивнул он. — Только без камер. И без заголовков вроде «Я проник в театральную мастерскую!».

Артём кивнул, как будто получил самое важное поручение в жизни.

— Сделаю, — серьёзно сказал он. — Обещаю.

Когда он ушёл, в комнате повисла тишина — не напряжённая, а такая, когда все понимают: дело движется.

Марина подошла к тёте и тихо спросила:

— Ты в порядке?

Тётя улыбнулась — не радостно, а как человек, который вспоминает что-то давно забытое.

— Знаешь, — сказала она, — когда я выходила на сцену, я всегда боялась забыть текст. Или споткнуться. Или услышать, как кто-то в зале шепчет: «Она уже не та». Но страшнее всего было не это. Страшнее было думать, что никто не заметит, если я исчезну. А теперь... теперь я понимаю, что есть люди, которые заметят. И помогут.

Марина обняла её.

— Мы разберёмся, — пообещала она. — Вместе.

Барсик, как будто понимая, что сейчас не время для разрушения, подошёл и уткнулся носом в ладонь Марины. Через час вернулся Артём — взъерошенный, но сияющий.

— Нашёл! — объявил он. — В мастерской сказали, что метки ставил старый реквизитор, Виктор Петрович. Он ушёл из театра лет двадцать назад, но... его сын до сих пор работает в театре. И он, кажется, знает что-то про тот спектакль.

Игорь Сергеевич кивнул.

— Отлично, — сказал он. — Значит, завтра мы с ним поговорим.

Артём посмотрел на него с таким восхищением, будто следователь только что раскрыл преступление одной фразой.

— Круто, — выдохнул он. — Вот это работа.

И тут же спохватился:

— Но я всё равно не буду снимать. Честно.

Марина поймала взгляд тёти, и они обе едва сдержали улыбки. Даже в такой ситуации Артём умудрялся быть... милым. Не раздражающим, а именно милым — как щенок, который хочет помочь, но пока только путает следы. Когда Игорь Сергеевич собрался уходить, Марина вдруг поняла, что не хочет, чтобы он уходил. Не потому, что боится оставаться одна — а потому, что рядом с ним хаос казался не таким уж страшным.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что не сказали «вы сами во всём виноваты».

Он чуть улыбнулся — так, что улыбка едва коснулась уголков губ.

— Пока рано благодарить, — ответил он. — Дело только началось.

Но в его голосе было что-то ещё — не раздражение, а... понимание. И, может быть, даже лёгкая симпатия.

— Если что-то вспомните, — добавил он, — звоните. В любое время.

И ушёл, оставив после себя ощущение надёжности — как будто кто-то выключил самый громкий источник тревоги. Вечер опускался на город, и квартира тёти, ещё недавно казавшаяся просто старым, захламлённым жильём, теперь выглядела как место, где пересеклись прошлое и настоящее, театр и реальность, комедия и трагедия.

Марина посмотрела на брошь с гранатами, которая теперь лежала в коробочке из-под пуговиц — подальше от Барсика и от любых случайных рук.

«Завтра, — подумала она, — мы пойдём в театр. И узнаем, кто так сильно не хотел, чтобы тётя выходила на сцену».

А потом, возможно, она купит киви. Если, конечно, до этого не случится ещё что-нибудь.

Глава 4. «Пыль кулис, запах киви и один очень упрямый кот»

Утро встретило Марину не пением птиц и не ароматом свежего киви, а настойчивым тыканьем мокрого носа в щёку. Барсик сидел у неё на груди, смотрел строго и явно давал понять: «Завтрак. Сейчас. Или я устрою перформанс».

— Ладно, ладно, — пробормотала Марина, сползая с дивана, на котором спала в обнимку с пледом и тревожными мыслями. — Ты главный. Но сегодня без перформансов, договорились?

На кухне тётя уже стояла в позе, достойной афиши: прямая спина, взгляд вдаль, чашка в руке — будто не смузи собиралась пить, а произносить монолог о бренности бытия.

— Сегодня мы идём в театр, — сказала она, не поворачиваясь. — Пора встретиться с прошлым лицом к лицу.

Марина вздохнула. В её идеальном мире «встретиться с прошлым» означало пролистать старые фотоальбомы с пирожными и смешными причёсками. А не шагать по пыльным коридорам театра, где каждый шкаф, возможно, прячет свою маленькую трагедию.

— А если... — начала Марина, но тётя резко повернулась, и в её взгляде мелькнуло что-то такое, что любые «а если» сразу показались мелочными.

— Я столько лет делала вид, что ничего не было, — тихо сказала она. — Что старые обиды — это просто пыль на старых декорациях. Но пыль не исчезает сама. Её надо вытереть. Или хотя бы посмотреть, из чего она состоит.

В этот момент в дверь позвонили. На пороге стоял Артём — взъерошенный, с рюкзаком, из которого торчали провода, блокнот и, кажется, бутерброд.

— Я готов! — объявил он. — У меня всё: диктофон, блокнот, запасные батарейки и... кофе. Для всех.

Он протянул три стаканчика. Марина взяла свой, сделала глоток и впервые за последние дни почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло на место.

— Спасибо, — искренне сказала она. — Это почти как капучино.

Артём просиял.

— Почти — это уже победа, — заявил он. — А сегодня у нас будет большая победа. Я чувствую.

Тётя посмотрела на него, потом на кофе, потом снова на Артёма — и вдруг улыбнулась. Не трагически, не с надрывом, а просто по-человечески.

— Знаешь, молодой человек, — сказала она, — в театре есть примета: если перед премьерой кто-то приносит кофе — это к удаче. Даже если кофе из автомата.

Артём покраснел от удовольствия.

Театр встретил их запахом пыли, старого дерева и чего-то неуловимо тревожного — будто стены помнили все ссоры, все слёзы и все аплодисменты, которые когда-либо здесь звучали.

Коридоры были узкими, с облупившейся краской и фотографиями в потемневших рамках. На одной из них тётя смотрела с афиши — молодая, с горящими глазами, в образе Офелии. Марина на секунду задержалась, всматриваясь в это лицо — такое знакомое и в то же время чужое.

— Здесь ничего не меняется, — прошептала тётя, проводя рукой по стене. — Только становится чуть темнее.

Они шли по коридору, пока не оказались у двери с табличкой «Мастерская. Вход строго по пропускам». Артём постучал — сначала робко, потом громче. Дверь приоткрылась, и на пороге появился невысокий мужчина в заляпанном краской халате.

— Чего надо? — буркнул он, но при виде тёти его лицо вдруг дрогнуло. — Вы? Да быть не может...

— Здравствуй, Костя, — спокойно сказала тётя. — Помнишь, ты ещё говорил, что из меня выйдет отличная леди Макбет?

Костя хмыкнул, но в глазах мелькнуло тепло.

— Помню, — проворчал он. — Только леди Макбет не таскала бы столько реквизита. Проходите. Только кота держите подальше от красок.

Барсик, услышав своё имя, тут же сделал вид, что он вообще не с ними, и попытался слиться с тенью.

Мастерская была похожа на пещеру алхимика: полки до потолка, коробки с непонятными надписями, старые костюмы, маски, бутафорские мечи и чашки с недопитым чаем.

— Так, — сказал Костя, усаживаясь на старый ящик. — Чего ищете?

— Нам нужен Виктор Петрович, — начал Артём, но Игорь Сергеевич, который до этого момента держался в стороне, мягко его перебил.

— Точнее, нам нужны сведения о нём. И о его работе в конце восьмидесятых. Особенно о маркировке костюмов.

Костя нахмурился.

— Виктор Петрович... — протянул он. — Хороший был мастер. Но... непростой. У него с режиссёром тогда был конфликт. Да и вообще... он многое помнил. И не любил, когда забывали.

— А его сын? — спросила Марина. — Говорят, он тоже здесь работает.

Костя кивнул.

— Да. Павел. Он сейчас в гримерке. Но предупреждаю: парень нервный. И не любит, когда лезут в прошлое.

Гримерка оказалась маленькой, тесной, с зеркалом, обклеенным старыми фотографиями и записками. За столом сидел молодой мужчина — худой, с тёмными кругами под глазами и взглядом человека, который слишком много знает и слишком мало хочет рассказывать.

— Павел, — тихо сказала тётя. — Здравствуй.

Павел поднял глаза, и в них на секунду мелькнуло узнавание — а потом снова закрылась ставня.

— Вы, — сухо кивнул он. — Что-то вы редко стали заглядывать.

— Жизнь закрутила, — так же спокойно ответила тётя. — Но сейчас... сейчас мне нужна твоя помощь.

Она рассказала про труп в шкафу, про пиджак с меткой мастерской, про записку. Павел слушал, не перебивая, только пальцы его нервно постукивали по столу.

— И что вы от меня хотите? — наконец спросил он.

— Правды, — просто сказала тётя. — Или хотя бы кусочка правды. Твой отец... он ведь знал всех. И все тайны.

Павел помолчал, потом вздохнул и достал из ящика старую тетрадь — потрёпанную, с пожелтевшими страницами.

— Он вёл записи, — тихо сказал он. — О каждом костюме. О каждой метке. И... о людях, которым эти костюмы доставались.

Он открыл тетрадь и провёл пальцем по строчкам.

— Вот. Пиджак из постановки. Метка ВП. И рядом приписка: «Отдан на хранение актрисе Н.П. по её просьбе».

Тётя побледнела.

— Я не просила, — прошептала она. — Я бы не стала...

— Значит, кто-то подписал за тебя, — тихо сказал Игорь Сергеевич. — И спрятал пиджак. Чтобы он ждал своего часа.

В этот момент Барсик, который до этого момента тихо исследовал полки, вдруг с грохотом уронил коробку. Из неё посыпались старые программки, фотографии и... маленький конверт с надписью «Для Н.П.».

Марина подняла его, посмотрела на тётю, на Павла, на Игоря Сергеевича — и медленно вскрыла. Внутри лежала короткая записка: «Ты не выйдешь на сцену. Это не угроза. Это судьба». И подпись — неразборчивая, но знакомая.

Тётя тихо ахнула.

— Это... это почерк Лидии Михайловны, — прошептала она. — Она тогда хотела играть главную роль. И... она мне угрожала. Но я думала, что это просто слова.

Игорь Сергеевич взял записку, аккуратно положил в пакет для улики.

— Теперь это не просто слова, — спокойно сказал он. — Это улика.

Павел смотрел на всё это с таким видом, будто его мир только что треснул по швам.

— Отец знал, — тихо сказал он. — Он всё знал. И молчал. Потому что... потому что боялся.

Когда они вышли из гримерки, коридор казался уже не таким тёмным. Или, может быть, просто свет из окна падал иначе.

Артём шёл рядом с Мариной, сжимая в руках блокнот, и вдруг тихо спросил:

— Ты в порядке?

Марина улыбнулась — не радостно, а как человек, который понял: самое страшное уже случилось. А теперь можно просто идти вперёд.

— В порядке, — ответила она. — Просто... столько лет кто-то хранил эту тайну. И столько лет тётя делала вид, что её нет. А теперь... теперь всё всплывает.

Артём кивнул.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше думал, что хороший контент — это когда всё ярко, громко и драматично. А теперь понимаю: настоящая драма — она тихая. И она ломает людей.

Марина посмотрела на него по-новому — не как на надоедливого блогера, а как на человека, который вдруг вырос на глазах.

Игорь Сергеевич догнал их у выхода.

— Мы проверим эту Лидию Михайловну, — сказал он. — И посмотрим, что ещё есть в записях Виктора Петровича.

Тётя кивнула.

— Я готова, — твёрдо сказала она. — Пусть всё выйдет на свет. Даже если будет больно.

Игорь посмотрел на неё, потом на Марину — и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти ободряющее.

— Вы сильные женщины, — тихо сказал он. — Не все смогли бы так.

Марина почувствовала, как внутри разливается странное тепло не от солнца, а от этих простых слов.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Иногда... иногда просто нужно, чтобы кто-то сказал, что ты справляешься.

Он чуть улыбнулся.

— Вы справляетесь, — повторил он. — И мы докопаемся до правды.

На улице воздух был свежим, почти праздничным. Барсик сел на ступеньку, умылся и посмотрел на всех с таким видом, будто это он всё и организовал.

Артём достал телефон, но не для съёмки — просто чтобы посмотреть время.

— Знаете, — сказал он, — я тут подумал... Может, я пока не буду ничего снимать. Пусть это будет просто... история. Без лайков.

Тётя положила руку ему на плечо.

— Иногда, — мягко сказала она, — самое важное — не попасть в тренды. А остаться человеком.

И они пошли по улице — четверо очень разных людей, которых объединила одна тайна. И один очень упрямый кот, который, кажется, знал больше всех, но пока не собирался ничего рассказывать.

«Сегодня, — подумала Марина, — мы сделали шаг. А завтра... завтра будет новый шаг. И, может быть, наконец-то нормальный смузи».

Глава 5. «Репетиция правды, или Кто прятал прошлое в шкафу»

Лидия Михайловна жила в доме, который будто специально построили, чтобы в нём было удобно хранить обиды: узкий подъезд, тёмные лестничные пролёты, окна с плотными шторами, за которыми не видно ни света, ни жизни. Игорь Сергеевич позвонил в дверь — коротко, официально, как человек, который привык, что его ждут не с пирогами, а с оправданиями.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щёлку можно было разглядеть острый взгляд и седые волосы, туго стянутые в пучок.

— Чего надо? — голос у Лидии Михайловны был такой, будто она до сих пор репетировала роль злой мачехи, и роль эта ей нравилась.

Игорь Сергеевич спокойно достал удостоверение.

— Лидия Михайловна, у нас есть несколько вопросов по делу о найденном теле. И по событиям 1989 года.

Она прищурилась, перевела взгляд на Марину, на тётю, задержалась на Артёме, который изо всех сил старался выглядеть серьёзным и не снимать на телефон.

— Театр опять лезет в мою жизнь, — пробормотала она. — Ну входите. Только кота держите подальше от моих орхидей.

Барсик, услышав своё имя, сделал вид, что он вообще не с ними, и попытался слиться с ковриком.

Квартира Лидии Михайловны была музеем недосказанности: на стенах — афиши спектаклей, где её имя стояло первым, на полках — статуэтки, награды, программки с пометками на полях. И ни одной фотографии с коллегами.

— Садитесь, — буркнула хозяйка, устраиваясь в кресле, как на троне. — Только недолго. У меня через час репетиция.

Тётя села прямо, будто на сцене, и посмотрела на бывшую соперницу без злости — скорее с усталым любопытством.

— Лида, — тихо сказала она. — Мы не хотим тебя обвинять. Мы хотим понять.

Лидия усмехнулась.

— Понять... Это ты всегда умела красиво говорить. А я умела играть. Но мне не давали.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от того, как легко прошлое возвращалось, стоило только открыть дверь.

— Ты писала те записки? — прямо спросил Игорь Сергеевич. — «Ты не выйдешь на сцену. Это судьба».

Лидия помолчала, потом медленно кивнула.

— Писала, — сказала она. — Но я не хотела никому зла. Я просто... хотела играть. А меня всё время ставили на вторые роли. А ты, всегда выходила в центре. Всегда.

Тётя вздохнула.

— Я не просила об этом, — спокойно сказала она. — Режиссёр видел меня в этих ролях. А ты... ты была сильной актрисой. Но мы не должны были становиться врагами.

— А мы и не стали, — вдруг тихо сказала Лидия. — Мы стали чужими. И это хуже.

Артём, который до этого момента сидел тише мыши, вдруг тихо спросил:

— А пиджак? Тот, что нашли в шкафу... Вы знаете, как он там оказался?

Лидия нахмурилась.

— Пиджак? Из постановки? — она вдруг побледнела. — Я думала, его выбросили. Или сожгли.

— Его поместили в мастерской, — сказал Игорь Сергеевич. — Метка Виктора Петровича. И запись: «Отдан на хранение актрисе по её просьбе». Но она утверждает, что не просила. Лидия медленно покачала головой.

— Виктор... — прошептала она. — Он был странным. Тихий, незаметный, но всё видел. И всё записывал. Он знал... он знал, что я писала записки. И однажды сказал мне: «Если будешь продолжать, я всё сохраню. На всякий случай».

Марина вдруг почувствовала, как пазл начинает складываться — не до конца, но уже видны очертания.

— Значит, он хранил улики, — тихо сказал Игорь Сергеевич. — И кто-то знал об этом.

Пока они говорили с Лидией Михайловной, Артём и Марина остались в коридоре — Барсик тут же нашёл коробку с перчатками и теперь пытался в них залезть, как в доспехи.

— Слушай, — тихо сказал Артём, наклоняясь к Марине. — А что, если... что, если Виктор Петрович не просто хранил улики? Что, если он пытался кого-то защитить?

Марина посмотрела на него с удивлением — и с уважением.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— Ну, — пожал плечами Артём. — Я много снимал интервью. И знаю: люди молчат не потому, что им нечего сказать. А потому что боятся.

Марина улыбнулась — впервые за день искренне.

— Знаешь, — сказала она, — из тебя вышел бы хороший следователь. Если бы ты не хотел снимать ролики.

Артём покраснел.

— Может, и вышел бы, — пробормотал он. — Но ролики... это тоже способ рассказать правду. Просто другим языком.

В этот момент из комнаты вышла тётя — бледная, но спокойная.

— Она не убивала, — тихо сказала она Игорю Сергеевичу. — Не её стиль. Она хотела быть на сцене. А не в тюрьме.

Игорь кивнул, будто и сам так думал.

— Но она знает больше, чем говорит, — добавил он. — И я найду, что именно.

На обратном пути они зашли в старую театральную мастерскую. Костя сидел на ящике и перебирал пуговицы, будто пытался собрать из них какую-то важную фразу.

— Павел приходил, — буркнул он, увидев их. — Сказал, что нашёл ещё одну тетрадь. Отец прятал её в ящике с бутафорскими монетами.

Он протянул потрёпанный блокнот. Игорь Сергеевич открыл его и быстро пролистал страницы — аккуратные записи, даты, имена, пометки. И на последней странице — короткая фраза: «Всё, что скрыто, однажды выйдет на свет. Даже если для этого нужен шкаф».

Марина посмотрела на тётю.

— Он знал, — прошептала она. — Виктор Петрович знал, что когда-нибудь правда всплывёт. И подготовил для этого... шкаф.

Тётя кивнула.

— В театре шкафы — это не просто мебель, — тихо сказала она. — Это хранилища тайн. Каждый актёр прячет в них что-то своё: старые письма, программки, воспоминания... А иногда — правду, которую страшно произнести вслух.

Вечер опускался на город, и улицы становились тише, будто город тоже прислушивался к этой истории. Они шли по тротуару — Марина, тётя, Артём, Игорь Сергеевич, Барсик, который теперь гордо шагал впереди, как будто именно он раскрыл преступление.

— Знаете, — вдруг сказал Артём, — я тут подумал... Может, я сниму не ролик. А... небольшой фильм. О театре. О людях. О том, как прошлое не исчезает, а просто ждёт своего часа. И спрошу разрешения у всех.

Тётя посмотрела на него и улыбнулась — не трагически, а по-доброму.

— Хороший план, — сказала она. — Только без сенсаций. Пусть будет честно.

Игорь Сергеевич чуть улыбнулся — так, что улыбка едва коснулась уголков губ.

— А я пока продолжу работать с фактами, — сказал он. — И найду того, кто спрятал пиджак. И того, кто знал, что в шкафу — не просто хлам.

Марина шла рядом с ним и вдруг поняла, что ей не хочется, чтобы этот день заканчивался. Не потому, что она боялась темноты или тишины — а потому, что рядом с ним хаос казался не таким уж страшным.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За то, что ты не торопишь. И не говоришь: «Да ладно, это просто старые обиды».

Он посмотрел на неё — внимательно, без спешки.

— Старые обиды, — спокойно сказал он, — иногда тяжелее новых. Потому что они копились годами.

Дома на кухне Марина наконец-то сварила себе суп — из продуктов которые купила по дороге. Тётя сидела напротив, смотрела на тарелку, будто видела в ней не суп, а сцену из прошлого.

— Знаешь, — тихо сказала она, — я думала, что, если не вспоминать, боль уйдёт. А она просто пряталась. В шкафу. В старых коробках. В молчании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.